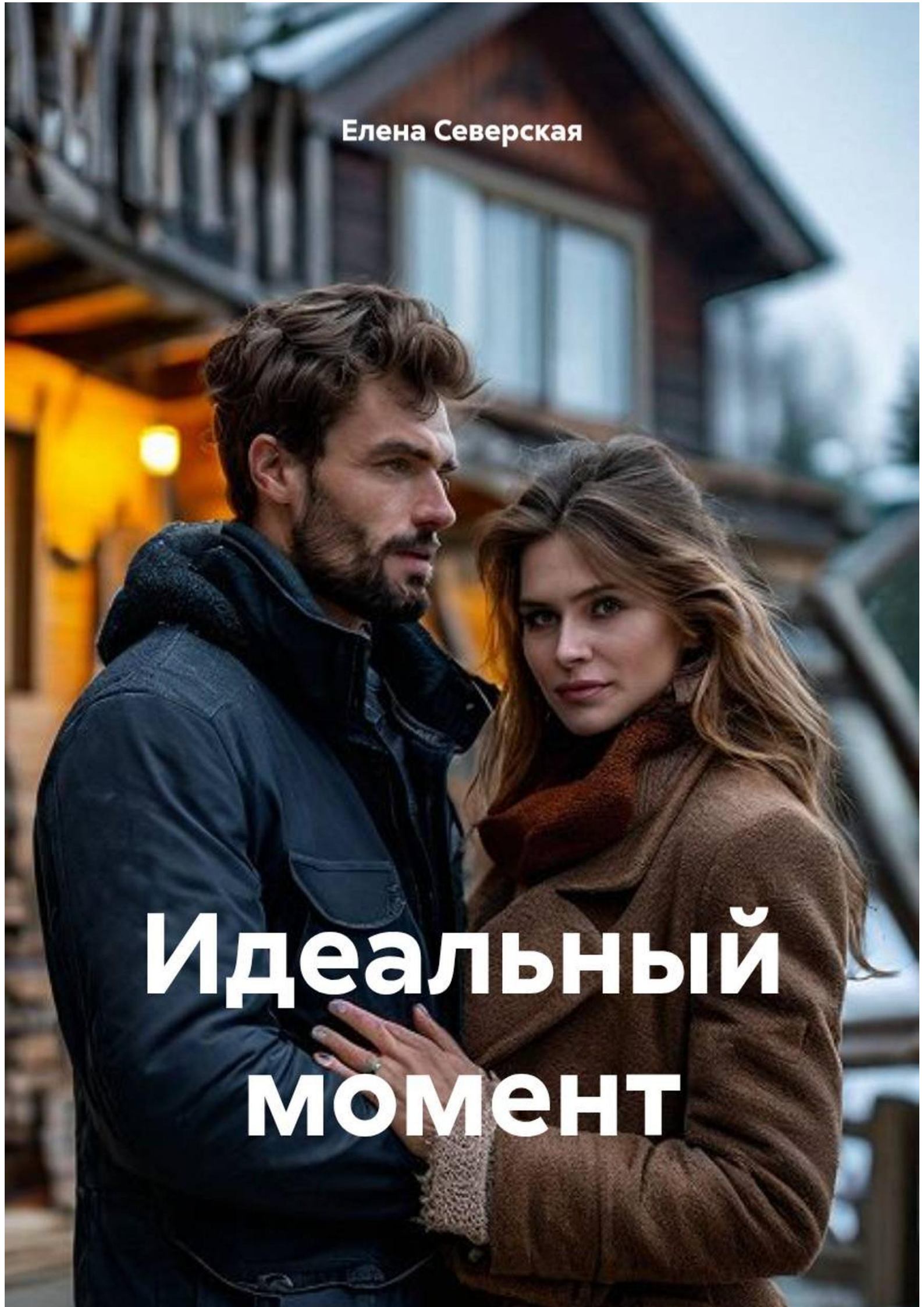

A romantic couple is featured in a winter setting. The man, on the left, has dark, wavy hair and a beard, wearing a dark blue jacket. The woman, on the right, has long, wavy brown hair and is wearing a brown coat with a thick brown scarf. They are standing in front of a rustic wooden house with a balcony. Warm, yellow lights are visible in the background, suggesting an evening or indoor lighting. The overall mood is intimate and cozy.

Елена Северская

Идеальный момент

Елена Северская

Идеальный момент

«Автор»

2026

Северская Е.

Идеальный момент / Е. Северская — «Автор», 2026

Эта история — не о любви, которая победила. Эта история — о любви, которая осталась. О словах, которые мы не говорим. О моментах, которые мы откладываем на завтра. О том, что завтра может не наступить. Вы узнаете себя в ней. Потому что каждый из нас хоть раз молчал, когда нужно было говорить. Каждый ждал «подходящего момента». И каждый потом сжимал в руке что-то маленькое ненужное, но такое родное, что без него невозможно дышать.

© Северская Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Елена Северская

Идеальный момент

Глава

Глава 1, в которой я еду по просьбе сына и вместо неудачника встречаю человека, который переворачивает мою жизнь

Я стояла у окна своего кабинета на двадцатом этаже и смотрела на город. Ноябрь в этом городе был временем, когда всё замирает, когда дожди смывают с улиц последние следы тепла, когда люди становятся серыми и незаметными, как тени. Я смотрела на этот серый, мокрый город и думала о том, что моя жизнь похожа на него — ровная, предсказуемая, лишённая всякой надежды.

За моей спиной на столе лежали папки с делами. Семь исков, три банкротства, один развод. Я помогала людям разбирать руины их жизней, но сама жила в идеальном порядке. В моей квартире не было беспорядка, в моём графике — пропусков, а в моём сердце — места для хаоса. Я была юристом, женщиной, которая умела держать удар, которая не позволяла себе слабостей, которая жила по правилам, которые сама же и создала.

Но в тот день всё изменилось.

Завибрировал телефон. На экране высветилось имя моего сына — Дима. Он никогда не звонил в рабочее время без причины, и я сразу поняла: что-то случилось.

— Мам, — голос его был хриплым, как будто он не спал несколько ночей, — ты занята?

Я отложила папку с делом о банкротстве сети ресторанов. Пусть подождёт. Рестораны всегда подождут, а сын — нет.

— Рассказывай, — сказала я, стараясь, чтобы голос мой звучал спокойно, хотя внутри уже зарождалась тревога.

— Понимаешь, — начал он, и в голосе его послышалась такая усталость, что у меня сжалось сердце, — у моего начальника фирма рухнула. «СтройГарант». Поставщики привезли бракованный бетон и гнилую арматуру. Застройщик подал иск, компания развалилась за месяц. Он сейчас один, пытается разобраться с долгами. Мам, он хороший мужик, просто не повезло. Я не знаю, что ему делать. У него никого нет. Только я. И ты.

Я слушала его голос — этот голос, который я знала с самого его рождения, который всегда был для меня самым важным звуком в мире. Я слушала и чувствовала, как он дрожит, как он пытается сдержать слёзы, как он боится за этого человека. Мой сын, который всегда был таким сильным, таким уверенным, сейчас казался мне маленьким мальчиком, который потерялся в толпе.

— Он хороший человек, мам, — повторил Дима. — Я работаю у него уже три года. Он никогда не обманывал, всегда платил вовремя, всегда заботился о своих рабочих. Он попал в эту ситуацию не по своей вине. Поставщики обманули его. И теперь он один. Совсем один.

Я молчала. Я смотрела в окно на серый город и думала о том, что я никогда не была матерью, которая бросается на помощь каждому, кого просит её сын. Я была практичной, рациональной, холодной. Но в голосе Димы было что-то такое, что я не могла игнорировать. Страх. Отчаяние. Надежда. Он верил в этого человека. И я верила своему сыну.

— Хорошо, — сказала я. — Дай мне адрес. Я поговорю с ним. Как юрист. Как специалист по банкротствам.

— Спасибо, мам, — выдохнул он, и я услышала, как с его души упал камень. — Только не говори, что я тебя просил. Он гордый. Он не любит, когда его жалеют. Скажи, что я просто дал твой номер, что ты сама предложила помочь.

— Хорошо, — сказала я. — Я скажу.

Я записала адрес, который он продиктовал. Положила трубку. Взяла пальто, сунула в сумку блокнот и вышла из кабинета.

В такси я сидела и смотрела на проносящиеся мимо улицы. Серый ноябрьский город, мокрый асфальт, люди с зонтами, которые спешили укрыться от дождя. Я думала о том, что я ожидаю увидеть. Мужчина средних лет, раздавленный жизнью. Старый, толстый, с опухшим лицом и пустыми глазами. Я видела таких сотни за годы своей практики — люди, которые потеряли всё и превратились в тени. Мне было их жаль, но профессиональный цинизм давно притупил это чувство. Я научилась не впускать их в своё сердце.

Такси остановилось. Я подняла голову и замерла.

Мы стояли у ворот красивого трёхэтажного таунхауса в престижном районе. Кирпичный фасад, большие окна, ухоженный сад. Дом выглядел дорого и солидно, как будто он помнил лучшие времена и не хотел показывать, что они ушли навсегда. Я смотрела на этот дом и не верила своим глазам. Дима говорил о разорившемся начальнике, о долгах, о том, что он один. Но он не говорил, что тот живёт в таком доме.

— Вы уверены? — переспросила я, глядя на табло. — Может, адрес другой?

— Тут написано, — пожал плечами водитель. — Третий дом по улице.

Я вышла из машины. Сердце колотилось. Я подошла к калитке. Нажала на звонок. Тишина. Нажала ещё раз.

За дверью послышались шаги. Тяжёлые, уверенные. Дверь открылась.

Я обомлела.

На пороге стоял мужчина. Высокий, очень высокий — под два метра ростом. Широкие плечи, спортивная фигура, как у человека, который привык работать руками. Тёмные волосы с

благородной сединой на висках, аккуратная щетина, правильные черты лица. И глаза. Голубые, яркие, с искорками, которые, казалось, видели всё насквозь.

Он улыбнулся. И от этой улыбки у меня перехватило дыхание. В этой улыбке было столько тепла, столько жизни, столько силы, что я забыла, где я и зачем я здесь.

— Здравствуйте, — сказал он. Голос глубокий, спокойный. — Вы мама Димы?

Я стояла и смотрела на него. Я не могла говорить. В голове моей проносились тысячи мыслей. Я ожидала увидеть сломленного, опухшего неудачника, а передо мной стоял мужчина, от которого у любой нормальной женщины подкашиваются колени. Идеально сложенный, ухоженный, с открытой улыбкой.

— Да. — Я сглотнула. — Он сказал, вам нужна консультация. Я юрист.

— Заходите, — он отступил в сторону. — Только предупреждаю: чая не будет. Чайник сдох.

— Я не пью чай.

— А я и не предлагал, — усмехнулся он.

Я переступила порог и оказалась в просторном холле. Мраморный пол, лестница на второй этаж, большая хрустальная люстра. Дом был шикарным, дорогим, но я сразу заметила странность: на стенах не было картин, в углах стояла пустота. Мебель была хорошая, но на ней не было никаких личных вещей. Ни фотографий, ни безделушек. Дом был красивым, но пустым. Как дорогой мавзолей, в котором нет никого, кроме призраков прошлого.

— Проходите в гостиную, — сказал он, жестом приглашая меня за собой. — Чай? Кофе? Простите, у меня только вода, чайник, кажется, сломался. Я сам не пью чай, а гости у меня бывают редко. Очень редко.

Я села на кожаный диван. Он сел напротив, и я снова поразились его внешности. Высокий, поджарый, с правильными чертами лица. И эти глаза — голубые, как море, как небо, как что-то бесконечно далёкое и прекрасное.

— Дима сказал, у вас проблемы с документами после банкротства, — начала я, стараясь взять себя в руки и не пялиться на него. — Расскажите подробнее.

Он усмехнулся, но в усмешке промелькнула такая горечь, что у меня сжалось сердце.

— Фирма рухнула, — сказал он. — Долгов много. Я пытаюсь разобраться, но... я строитель, а не юрист. Я не знаю, с какой стороны подойти. Я пытался найти выход, но, кажется, я зашёл в тупик.

Он говорил спокойно, ровно, без надрыва. Внешне он выглядел абсолютно уверенным в себе человеком. Хорошая одежда, ухоженный вид, уверенная поза. Никто бы не сказал, что у него проблемы. Но я заметила: он чуть заметно теребил край рубашки. И взгляд иногда

уходил в сторону. Он стеснялся. Ему было неловко признаваться, что он в беде. Он не хотел показывать свою слабость.

— Покажите мне документы, — сказала я. — Всё, что у вас есть.

Он принёс папку. Мы сели за стол, и я начала изучать бумаги. Цифры были огромные. Долги перед банками, проценты, пени. Коммунальные платежи — он не платил уже полгода. Долг рос как снежный ком. Я смотрела на эти цифры и понимала: он на грани. Он потерял всё, но пытается держать лицо.

— Марк, — я впервые назвала его по имени, — здесь очень серьёзные суммы. У вас есть план, как их погасить? Вы понимаете, что если не решить этот вопрос, вы потеряете всё? Этот дом, эту жизнь, всё?

Он опустил глаза. Впервые за весь разговор я увидела в нём неуверенность. Он смотрел на свои руки, на стол, на окно — куда угодно, только не на меня.

— Я пытаюсь продать этот дом, — сказал он тихо. — Уже два года пытаюсь. Риэлторы брались, рекламировали, возили покупателей. Никому он не нужен. Дорогой, большой, уход дорогой. Люди сейчас хотят квартиры поменьше. А этот дом... он для семьи. Для большой семьи. А у меня больше нет семьи.

Он сказал это, и я увидела, как дрогнули его губы. Он пытался сдержать себя, но я видела: ему больно. Ему невыносимо больно говорить об этом. Он не хотел показывать свою слабость, но она прорывалась сквозь его слова, сквозь его голос.

— Вы не один, — сказала я тихо. — Я помогу вам.

Он поднял голову. В его глазах блеснула такая надежда, что у меня перехватило дыхание.

— Вы правда думаете, что у нас получится? — спросил он.

— Я не думаю, — сказала я. — Я знаю. Я продавала и не такие дома. Расскажите мне всё, что вы знаете об этом доме. Каждый кирпич, каждую балку. Люди хотят покупать не просто стены. Они хотят покупать историю.

Я не знала тогда, что эта история станет моей. Что я уеду на юг, в его деревянный дом, и что он не успеет сделать мне предложение. Я не знала, что я останусь одна, с зажигалкой в руке и пустотой в сердце. Я не знала, что я буду любить его до конца своих дней.

Но я знала одно: я не могу уйти. Я не могу оставить его одного.

И я осталась.

Глава 2, в которой я вижу его пустой холодильник и слышу его исповедь, и душа моя переворачивается

Мы работали до вечера.

Я изучала документы, делала пометки, задавала вопросы. Он отвечал терпеливо, хотя я видела, как он устал. Как ему трудно говорить о своих долгах, о своих ошибках, о своей жизни, которая пошла под откос. Внешне он держался — улыбался, говорил спокойно, даже шутил иногда. Но я видела: за этой улыбкой скрывается бездна. Он не хотел показывать свою слабость. Он не хотел, чтобы я знала, как ему больно.

Я не знаю, зачем я это сделала. Может быть, я почувствовала что-то. Может быть, я просто хотела увидеть его настоящего. Я встала и сказала:

— Покажите кухню, — сказала я.

— Зачем?

— Хочу убедиться, что вы не умрете до того, как мы разберёмся с документами.

Он хотел возразить, но я уже шла в ту сторону.

— Я справлюсь, — сказал он мне в спину. — Я всегда справлялся.

Он хотел возразить. Я видела, как он открыл рот, чтобы сказать что-то, но потом закрыл его. Он понял, что я не отступлю. Он понял, что я вижу его насквозь.

Мы прошли на кухню. Большая, светлая, с дорогой техникой — такой, какая бывает в домах, где когда-то жили люди, которые могли позволить себе всё. Но я открыла холодильник.

Пусто. Вода. Горчица. И больше ничего.

Я обернулась и посмотрела на него. Он стоял в дверях и смотрел в пол. Ему было стыдно. Ему было невыносимо стыдно, что я увидела его нищету.

Я открыла холодильник. Пусто. Горчица.

Обернулась.

— Ну да, — сказала я. — Вижу, как вы справляетесь. Горчицу ложкой едите?

Он молчал. Смотрел в пол.

— Завтра привезу продукты, — сказала я. — Не спорь.

— Не надо, — тихо сказал он.

— Я сказала — не спорь, — повторила я.

Я смотрела на него и чувствовала, как у меня разрывается сердце. Он был так красив, так силен, так горд. И в то же время он был так слаб, так беззащитен, так одинок. Он стоял передо мной, и я видела, как он борется с собой. Как он пытается сохранить лицо, как он пытается не заплакать.

— Я приеду завтра с продуктами, — сказала я, и голос мой дрогнул. — И мы начнём работать. По-настоящему.

Он поднял голову. В его глазах блеснула благодарность. Но он не сказал «спасибо». Он не мог. Он не мог признать, что ему нужна помощь. Он не мог сдаться.

— Не надо, — сказал он тихо. — Я справлюсь. Я всегда справлялся.

— Вы не справляетесь, — сказала я. — И это нормально. Вы просто человек, который попал в плохую ситуацию. Но я помогу вам. Я не могу смотреть на это спокойно. Я не могу знать, что вы голодаете.

Он смотрел на меня долго. Слишком долго. Я видела, как в его глазах борются гордость и отчаяние. Гордость кричала: «Не бери, ты не нищий! Ты не должен принимать помощь от женщины, которую видишь второй раз в жизни!» Отчаяние шептало: «Возьми, ты умираешь. Ты не ел горячей еды уже неделю. Ты не можешь больше так жить».

Отчаяние победило.

— Идёт, — сказал он. — Я верну вам всё. До копеечки.

— Я знаю, — сказала я.

Я ушла. Но весь вечер я думала о нём. О его голубых глазах и пустом холодильнике. О его гордости и его стыде. О том, как он стоял и смотрел в пол, потому что не мог позволить себе купить еду. Я сидела в своей пустой квартире, пила чай и думала о нём. О том, как он смотрел на меня, когда я сказала, что приеду завтра. О том, как он не хотел принимать помощь, но принял. О том, как он не хотел сдаваться, но сдался. Он был сильным. Но он был человеком.

И я любила его. Я уже любила его. Я поняла это в тот вечер, когда сидела на своей кухне и смотрела на чашку с остывшим чаем. Я поняла это, когда поняла, что не могу уснуть, потому что думаю о нём. Я поняла это, когда поняла, что я хочу быть рядом с ним. Что я хочу помочь ему. Что я хочу спасти его.

На следующий день я приехала с двумя сумками продуктов. Хлеб, молоко, яйца, крупы, макароны, консервы, мясо. Всё, что нужно, чтобы не умереть с голоду.

Дверь открыл он. Увидев меня с сумками, он хотел возразить, но я перебила:

— Это аванс. Когда вы продадите дом, вы вернёте мне всё до копеечки. Идёт?

Он посмотрел на меня, и я увидела, как он борется с собой. Но он уже принял решение вчера. Он кивнул.

— Идёт, — сказал он.

Я прошла на кухню, разложила продукты. Он стоял в дверях и смотрел на меня. Я чувствовала его взгляд на своей спине. Он был тяжёлым, тёплым, полным благодарности и стыда.

— Садитесь, — сказала я. — Я сварю суп, а вы расскажете мне свою историю.

Он сел за стол. Я включила плиту. И он начал говорить.

Сначала нехотя — короткими фразами, как будто каждое слово давалось ему с трудом. Но потом, как вода, прорвавшая плотину, его речь стала свободнее, глубже, больше. Он говорил о том, как строил этот дом — каждый кирпич, каждую балку. Как работал день и ночь, чтобы у его семьи был дом, который будет стоять веками. Чтобы они никогда ни в чём не нуждались.

— Я хотел, чтобы у них было всё, — говорил он, и голос его дрожал. — Чтобы они никогда ни в чём не нуждались. Я строил этот дом для них. Для Алисы. Для Саши и Миши. Я думал, что если у нас будет этот дом, мы будем счастливы. Я думал, что дом — это гарантия счастья. Я ошибался.

Потом речь пошла об Алисе. О том, как она была прекрасна, как она улыбалась, когда они въезжали в новый дом. Как она рожала ему сыновей — Сашу и Мишу. Как она была его опорой, его надеждой, его жизнью.

— Я любил её, — говорил он, и я видела, как его глаза наполняются слезами. — Я любил её так, как не любил никого. Она была для меня всем. Я думал, что мы будем вместе до конца. Я думал, что мы состаримся в этом доме, что наши дети будут приходить к нам с внуками, что мы будем счастливы. Я думал, что у нас есть будущее.

— А потом пришёл бракованный бетон. — Он усмехнулся. — Гнилая арматура. Иск. И через месяц — ничего. Фирмы нет. Денег нет. Репутации нет.

Он поднял на меня глаза.

— И Алисы нет.

Он замолчал. Я видела, как он переживает тот день. Как он стоит в своём кабинете и смотрит на бумаги, которые говорят ему, что он банкрот. Как он звонит партнёрам, а они не берут трубку. Как он приходит домой и видит Алису, которая смотрит на него холодными глазами.

— Она сказала: «Я не подписывалась на это», — говорил он, и голос его стал глухим, как будто он говорил из глубокого колодца. — Она сказала: «Я не подписывалась на нищету». Она сказала: «Я не буду жить с неудачником». И ушла. Забрала детей и ушла к матери.

Он замолчал. Я смотрела на него и видела, как он переживает тот день. Как он стоит в дверях своего дома и смотрит, как уходит его жизнь. Сначала жена, потом дети, потом деньги, потом надежда. Он остался один. В этом огромном доме. С долгами и пустотой.

— Дети не знают, — сказал он.

Смотрел в окно, не на меня.

— Что я голодаю. Что доедаю горчицу ложкой. Не хочу, чтобы знали.

— Теперь я знаю, — сказала я.

— А ты не жалеешь, — сказал он. Посмотрел на меня. — Все жалеют. А ты просто делаешь. Почему?

— Потому что жалость не помогает, — сказала я. — А суп помогает.

Он усмехнулся.
Уезжаю

— Ты странная.

— Я юрист. Мы все странные.

Мы просидели до вечера. Он рассказывал, я слушала. И в какой-то момент я поняла: я больше не хочу уходить. Я хочу остаться здесь, в этом пустом доме, с этим мужчиной, у которого нет ничего, кроме долгов и пустоты. Я хочу остаться с ним.

Глава 3, в которой я продаю его дом, и он уезжает, оставляя мне зажигалку, которую забыл в кармане куртки

Год мы работали вместе. Я приезжала к нему почти каждый день. Мы разбирали документы, строили стратегии, подавали иски. Он учился доверять мне. Я училась не смотреть на него слишком долго, потому что каждый раз, когда я видела его голубые глаза, я забывала, зачем пришла.

Внешне он был всё тем же красивым, статным мужчиной. Но я видела его настоящего. Я видела, как он просыпается ночью от кошмаров. Как сжимает кулаки, когда говорит о долгах. Как стесняется того, что не может купить себе нормальную еду. Я видела его слабость, его уязвимость, его боль. И я любила его за это.

Он пытался продать дом. Но риэлторы не могли. Два года они возили покупателей, показывали дом, рассказывали о его достоинствах. Но дом был слишком большим, слишком дорогим в обслуживании, слишком... одиноким. Никто не хотел покупать дом, в котором чувствовалась пустота.

— Я не знаю, что делать, — говорил он однажды вечером. Мы сидели на кухне, пили чай — теперь у него был чай, я купила его вместе с продуктами. — Я уже отчаялся. Мне кажется, я умру в этом доме. Один.

— Ты не умрёшь, — сказала я. — Ты продашь этот дом и начнёшь новую жизнь.

— Ты думаешь?

— Я знаю.

Я написала новое объявление. Я не знаю, зачем я это сделала. Может быть, я хотела помочь ему. Может быть, я просто хотела быть рядом с ним. Я написала так, как пишут о доме, который был домом. Я рассказала историю — историю человека, который построил этот дом

своими руками, который вложил в него душу, который хотел, чтобы здесь жили и любили. Я разместила объявление на Авито. Через месяц пришёл покупатель. Через две недели дом был продан.

Он стоял у ворот и смотрел, как уезжают новые хозяева. Я видела, как он сжимает кулаки, как пытается сдержать слёзы. Я подошла к нему.

— Ты сделала это, — сказал он. — Ты продала мой дом.

— Мы продали его, — поправила я.

Он обнял меня. Крепко, как будто прощаясь навсегда. Я чувствовала его запах — табак, усталость, надежду.

— Спасибо, — сказал он. — Спасибо, что не ушла.

После продажи дома он отдал часть денег Алисе и детям. Остальное взял себе и купил старый деревянный дом на юге, у моря.

Мы встретились на вокзале. Он стоял с чемоданом и смотрел на меня. Ветер шевелил его волосы. Глаза его были грустными.

— Ну что, — сказал он. Чемодан в руке, ветер в волосах. — Уезжаю.

— Вижу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.